

— Наверху сидит отброс, вам какая разница до чужой сексуальной ориентации? К тому же, кроме этой самой ориентации, у этих выдуманных историй нет ни малейших доказательств. С чего вы вообще решили называть человека противным?

— Тупой кумир — тупые фанаты любят друг друга.

— У тебя язык грязный, наверх подняться и помыться бы не помешало.

— Те, кто ругает У Мина, вы вообще его песни слушали? Это же вокальный конкурс, если отбросить всё остальное, вокальные данные у У Мина совсем неплохие.

— Те, кто намеренно поливает человека грязь, с чего бы стали слушать его песни? Для них неверное — всегда неверное, даже если оно окажется правильным, они ни за что в этом не признаются.

— Если вдуматься, что вообще сделал У Мин не так, что вы его так ненавидите?

— Мне плевать на всех остальных, я фанатею от его внешности. В этом сезоне звание Небесного цветка достанется только ему! Небесный цветок, Небесный цветок, я люблю тебя!

— Упоротые фанатики, имейте совесть.

— Упоротые фанатики, имейте совесть.

— Упоротые фанатики, имейте совесть.

У Мин по-прежнему ничего об этом не знал, потому что был по уши занят подготовкой к записи личного видеоматериала.

Правда, эту запись готовили для будущей тройки финалистов. Сроки между съёмками и выходом в эфир поджимали настолько сильно, что многое приходилось готовить заранее. А раз никто не знал, кто станет победителем, режиссёрская группа приняла самое простое и грубое решение: записать визитки абсолютно для каждого участника.

У Мина накрасили и усадили на стул, а сидевший рядом режиссёр даже не удержался и принялся непрерывно снимать его на камеру.

— О, моя сладость, моё сокровище, ты просто обязан стать моделью! Ты будешь любимцем софитов, весь мир влюбится в тебя, серьёзно, поверь мне. Певческая карьера совсем не подходит столь прекрасной внешности, как у тебя, — приговаривал режиссёр во время съёмки, пока остальная команда наконец не выдержала и не заставила его прекратить.

У Мин на это лишь улыбнулся. Тот же человек снимал для него рекламный ролик, он же теперь записывал и личное видео — неужели у режиссёрской группы совсем не осталось людей?

— Ладно, съёмка начинается, все сотрудники, приготовиться!

У Мин посмотрел в объектив и чуть прищурился, будто привыкая к свету, а затем озарил всех улыбкой. Его утончённое лицо под лучами софитов казалось невероятно чарующим, а взгляд, казалось, так и норовил затянуть душу на самое дно.

Такому человеку и впрямь слишком жаль становится просто певцом. Его красота, как кто-то уже говорил, от рождения создана для того, чтобы быть любимцем прожекторов.

— Хорошо. Скажите, господин У, что вы думаете о тех оценках, которые дают вам сейчас в интернете?

У Мин приподнял брови. Выкатить такой вопрос с самого начала — и впрямь не бояться подлить масла в огонь хайпа вокруг его персоны.

Я не знаю. — У Мин опустил взгляд, его выражение лица слегка помрачнело. — Я не сделал ничего плохого, если говорить точнее, я вообще ничего не делал. Я признаю, что я гомосексуал, но моя ориентация никому не причинила вреда. Я не понимаю, почему все меня так ненавидят. Но разве нам не обязательно переживать из-за тех, кто нас не любит? В конце концов, я же не деньги, чтобы нравиться абсолютно всем, верно?

— Тогда почему вы решили принять участие в Голосе небес?

— Потому что я люблю музыку. Довольно долгое время компанию мне составляла только она. Это были очень одинокие и мрачные дни, и если бы не музыка, я бы, наверное, не выжил. — Дойдя до этого места, У Мин с самоиронией усмехнулся. — Поэтому я хочу, чтобы мою музыку признали и полюбили другие.

Взгляд У Мина на мгновение потемнел. Следующие вопросы были почти такими же едкими и колючими, но именно такие сплетни зрители и жаждали услышать на самом деле. Ха-ха.

После окончания личных съёмок У Мин чувствовал себя не слишком хорошо. Вопросы были слишком каверзными: у остальных участников спрашивали про мечты и идеалы, а стоило дойти до него, как всё превратилось в это. Очевидную предвзятость трудно было не заметить.

Хотя настроение было так себе, конкурс всё равно нужно было продолжать.

Следующим этапом было возрождение классики. У Мин выбрал старинную народную песню, спел её блестяще, но из-за её неформатности прошёл дальше с большим трудом.

Два следующих тура прошли для У Мина с более безопасным репертуаром, и он вновь успешно пробился в тройку сильнейших.

Финалисты оказались сплошь популярными кандидатами: один вернулся после учёбы за рубежом, где уже успел основать собственную неплохо известную группу; второй происходил

из семьи музыкантов, и влияние среды с малых лет тоже сбрасывать со счетов не стоило. На их фоне У Мин выглядел скорее тёмной лошадкой.

Перед самым финалом У Мин тоже колебался: стоит ли ему выбрать безопасную песню или рискнуть сломать стереотипы? Посомневавшись немного, он всё же решил нарушить правила. Пора было дать отпор.

В финале присутствовало тысяча зрителей в зале, а доля голосов музыкальных экспертов снизилась с пятидесяти до тридцати процентов. Иными словами, именно зрители принимали окончательное решение. Вот только У Мин как раз и не собирался никому угождать.

В ту финальную ночь атмосфера на площадке царила исключительно горячая. У Мин даже смутно расслышал, как кто-то выкрикивает его имя. У него тоже появились фанаты? Какая-то ирония судьбы.

Состязание состояло из двух туров, а это значило, что каждый участник должен был подготовить по две песни, баллы за которые суммировались для выявления чемпиона. Иначе говоря, важны были оба трека, и если хоть один проваливался, это сильно било по итоговому результату.

Для первого тура У Мин выбрал простую мелодию. На сцену он вышел с гитарой Кани. У Мин признавал, что вкладывал в это определенный подтекст: прижимая к себе чужую гитару, он казался чуть ли не застенчивым и, стоя под светом софитов, даже невольно улыбнулся.

— Я очень благодарен одному своему другу. Пусть его сегодня нет здесь, но он подарил мне уверенность идти дальше. Эта песня исполняется только для тебя. — Уголки губ У Мина дрогнули в улыбке, он прижал к себе массивную гитару и мягко перебрал струны.

Как вернуть ушедшее время?

Разве можно просто так всё отпустить и перестать вспоминать?

Понимаешь ли ты то чувство, когда больше нельзя ждать?

Я отказываюсь принимать, что ты уже ушёл.

Наша встреча была столь короткой и прекрасной...

Сможем ли мы встретиться вновь в пору моего расцвета?

Ты поселился в моих воспоминаниях, и тебя невозможно забыть.

Неужели мы должны вот так расстаться?

Я отказываюсь стирать кассету с воспоминаниями о тебе

И не могу смириться с тем, что ты забыл моё существование.

К чему обращать внимание на чужие мнения?

К чему выжидать пустые надежды?

Просто будь со мной,

Достаточно лишь зажечь сигарету на двоих...

.....

У Мин тихо напевал на сцене — немного радостно, немного лениво. Его голос звучал кристально чисто и был пропитан какой-то невыразимой, тоскливой привязанностью.

Закончив петь, У Мин подарил камере искреннюю улыбку — ту самую, полную подлинного ожидания.

Затем над сценой разразился шквал аплодисментов. Быть может, зрители и не знали всей подоплёки, но по пению У Мина отчетливо чувствовали, как дорог был ему этот человек.

Поддавшись этой атмосфере, У Мин совершил дерзкий поступок: он приподнял гитару и легко коснулся её губами, сохранив во взгляде нежность, полную чувств.

Толпа зашумела ещё яростнее. Не уходя со сцены, У Мин встал сбоку на помосте, ожидая следующего участника. Им предстояло выступить со второй песней — разумеется, уже после оглашения итогов первого голосования.

Слегка наклонив голову, У Мин слушал выступление конкурента и кивнул сам себе: неплохо, но кое-чего всё же не хватает, слишком сырая работа.

Вскоре наступило время голосования, и у У Мина выдалось несколько минут на отдых. Во втором туре он выходил последним, так что мог спокойно перевести дух.

Стоя на смотровой площадке с совершенно холодным выражением лица, У Мин прикрыл глаза, чтобы немного успокоиться. А когда подошла его очередь подниматься на сцену, он не удержался от тихой усмешки.

Медленно шагнув к микрофону, он заговорил с абсолютным спокойствием:

— Прошлая песня была посвящена моему единственному другу. Следующая песня адресуется тем, кто когда-то причинил мне боль.

Зазвучало вступление. У Мин слегка приподнял носок туфли, отбивая такт, а в его глазах застыло непроницаемое равнодушие.

Я глупо верил, что этот мир прекрасен поначалу,
Не смея нарушить заведённый порядок вещей.
Я ночами не смыкал глаз, пока вы предавались фантазиям,
Я вёл скучную жизнь, пока вы сочиняли сплетни.
Зёрна ненависти проросли в моём сердце,
Постепенно заполнив эту разбитую грудь.
Я ещё молод, но состарился раньше времени,
Я ещё силен, но уже ободран и нелеп.
Все эти высосанные из пальца слухи,
Все эти пустые пятна позора...
Я не прощу вам содеянного!

.....

Я ночами не смыкал глаз, пока вы предавались фантазиям,
Я вёл скучную жизнь, пока вы сочиняли сплетни.
Зёрна ненависти проросли в моём сердце,
Постепенно заполнив эту разбитую грудь.
Разве вы не ворочаетесь по ночам, подобно мне?
Разве вы не засыпаете с трудом, как и я?
Это ваша совесть пожирает вас изнутри,
Это ваша совесть сейчас сгорает в огне.

Голосно звучал голос У Мина со сцены. Это был его самый настоящий отпор: он стоял в лучах света словно мститель, холодно взирая на тех, кто когда-то причинил ему боль.

В тот момент он казался вернувшимся из самого ада демоном — с суровым выражением лица, прекрасными чертами и леденящей аурой, зловещим духом, выбравшимся из ледяной воды.

Закончив песню, У Мин прикрыл глаза, заглушая затаившиеся на дне души обиду и ненависть. Если уж ненавидеть, то весь этот мир целиком, но терять контроль нельзя: главное отличие человека от зверя заключается в наличии у первого разума и железной самодисциплины.

Свет погас. У Мин открыл глаза и сошел со сцены. Зрители ещё долго молча переваривали

увиденное, прежде чем раздались редкие, робкие хлопки. Атмосфера на мгновение стала до предела неловкой.

Прислушиваясь к обрывкам чужих разговоров неподалеку, У Мин вдруг рассмеялся. Прежний владелец тела не совершил в жизни ни единого дурного поступка — он просто молча кого-то любил, преданно и приниженно пряча это чувство на самом дне сердца, и лишь потому, что встал поперёк глаз главной героини? До чего же несправедлив этот мир.

Сразу за выступлением У Мина начался второй этап голосования, включавший комментарии музыкальных экспертов. Первых двух они оценили вполне по делу, но стоило дойти до У Мина, как атмосфера слегка сгустилась.

Главными виновниками травли У Мина на самом деле были фанаты. Самим же судьям было глубоко плевать на его репутацию или прошлые проступки — просто вторая песня прозвучала слишком мощно, обнажая подлинную, невыдуманную ненависть.

— Ваша музыка безупречна, я не могу дать ей иную оценку. Но все мы пришли сюда со своими ушами, и я верю, что настоящая музыка не врёт, — таков был отзыв одного из членов жюри, в то время как остальные отделались дежурными фразами.

Вскоре подошёл момент подсчёта голосов. Обычно результаты объявляли из закулисья, но сегодня их решили огласить прямо на сцене.

У Мин без особого трепета поднялся на помост. Первую дюжину участников всё равно расхватают крупные агентства, а верхушка списка получит лишь чуть больше наград вроде денежных призов и кубков.

— Итак, настал этот волнующий момент! Кто же завоюет чемпионский титул в финале сегодняшнего Голоса небес? Наша сцена даст вам ответ!

Слыша наигранно взволнованный голос ведущего, У Мин стоял посреди сцены без тени улыбки на губах. Остатки внутренней ненависти ещё не улеглись, и притворно улыбаться ему совсем не хотелось.

— Дзынь! — Внезапно все прожекторы на сцене сошлись на фигуре У Мина. Он поднял руку, чтобы защитить лицо от слепящего света, а тени от пальцев легли на его безупречную кожу.

— Наш сегодняшний победитель — У Мин!

— Общее количество голосов составило девятьсот восемьдесят два, оторвавшись от второго места ровно на сотню! Боже мой, это самый высокий процент поддержки за всю историю проекта!

Глядя на внезапно взорвавшуюся вокруг волну аплодисментов, У Мин наконец позволил уголкам своих губ тронуть лёгкая улыбка.

В этом году призом в Голосе небес служил не кубок, а специально изготовленная корона из чистого золота. Когда ведущий водрузил её У Мину на голову, тот лишь слегка наклонил голову набок: тяжеловата.

Сама корона У Мина не волновала — ему требовалось связаться с внешним миром, оценить реакцию публики и решить, стоит ли дальше отмывать репутацию или сразу шагнуть в мир кино. В конце концов, ему ещё предстояло вернуться и отомстить.

После официального закрытия конкурса У Мина задержали представители компании Синьёй. Синьёй входила в тройку крупнейших развлекательных гигантов и располагала внушительным штабом артистов, работающих как на музыкальной, так и на киносцене.

У Мин вежливо заявил, что хотел бы отдохнуть несколько дней, прежде чем обсуждать подписание контракта. Представители Синьёй хоть и удивились, поделать ничего не смогли.

Спровадив людей из Синьёй, У Мин собрал вещи и отправился в отель. Охрана там оказалась на высоте, что позволило ему успешно скрыться от назойливой толпы папарацци.

Упав на мягкую кровать в гостиничном номере, У Мин принялся безостановочно изучать новости о себе. В Синьёй тоже начали нервничать: в конце концов, на Голос небес шли ради дебюта, и пока не угас хайп, следовало срочно подписывать бумаги и составлять график, а этот наглец вёл себя так, будто его ничего не касается.

Изучив общественное мнение о своей персоне, У Мин внезапно тихо рассмеялся.

Аудитория разделилась ровно надвое: одни обожали его до безумия, другие столь же яростно ненавидели. Большую часть недоброжелателей составляли фанаты главных героев. Стоило обеим сторонам столкнуться, как тут же завязывалась перепалка, но поскольку костяк поддержки У Мина составляли обычные меломаны, прежде не следившие за скандалами, в спорах они неизменно брали верх — особенно учитывая, что все обвинения строились на пустом месте.

Многие сторонние наблюдатели даже начали склоняться на сторону У Мина. Некоторые фанаты запустили петицию с требованием к тем, кто оскорблял парня раньше, публично извиниться: У Мин не сделал ничего плохого, с какой стати так калечить невинного человека?

Руководствуясь принципом, что ради хорошего зрелища не жалко и подкинуть дров, У Мин выложил в сеть кое-какие старые видеозаписи. В их число вошли кадры с отборочного тура, где хулиганы пытались сорвать его выступление, а также видеозапись с самого конкурса, где внутренние сотрудники пытались подставить его, но режиссерская группа всё замяла.

Стоило загрузить эти материалы, как У Мин выключил компьютер, беззаботно раскинулся на постели и бросил взгляд на лежащую рядом гитару Кани. По логике вещей, даже если Кани был мужчиной, услышать песню, написанную и исполненную для него, должно было хоть немного растопить его сердце. Почему же до сих пор не было никаких вестей?

[И всё-таки ты на него запал.]

— Я просто очень благодарен ему, он ведь мне здорово помог.

[Создаёшь образ чистой и непорочной овечки?]

— Я-то могу притворяться стервой, а вот тебе подкатывать не позволено. Заткнись, внучок.

[Ты поколения перепутал.]

— Ой, заткнись, сынок.

Тем временем Кани сидел в комнате и смотрел запись Голоса небес. Когда У Мин объявил, что эта песня исполняется только для него, уши Кани слегка покраснели. У Мин держал его гитару и пел песню, подаренную ему.

Но стоило начаться второму треку У Мина, как брови Кани нахмурились. Вернувшись, он перерыл в сети всё, что касалось прошлого У Мина, однако из-за семейных дел никак не мог вырваться на личную встречу. Подумав немного, Кани сделал телефонный звонок.

Положив трубку, Кани поднял взгляд на стоявшего перед ним на коленях мужчину, у которого со лба уже катился холодный пот.

— Ты устал. — Голос Кани звучал тихо. Ничего общего с тем молчаливым парнем, которого видел У Мин — сейчас он походил на владыку, с высоты своего трона взирающего на смертных без единой эмоции во взгляде.

Тот человек не смел вымолвить ни слова.

— Ты предал меня. — Кани вытащил из нагрудного кармана пистолета. Изначально он планировал замучить его до смерти, но сегодня у него было прекрасное настроение, так что он решил даровать предателю быструю смерть.

— Бах!

У Мина разбудил стук в дверь. Протерев ещё не до конца открывшиеся глаза, он с раздражением поплёлся открывать. На пороге стоял безупречно одетый мужчина в очках в золотой оправе, за спиной которого маячили двое телохранителей.

— Господин У Мин, верно? Я агент развлекательной компании JJ, Сэнь Жуй. Это моя визитка.

— Сэнь Жуй протянул карточку, сохранив на лице невозмутимое выражение.

— По какому делу? — У Мин знал о компании JI: это был один из трёх главных развлекательных гигантов наряду с Тяньюй и Синьюй. С первой У Мин только что разорвал контракт, а вторая осаждала его с предложением о сотрудничестве.

— Видите ли, мы высоко ценим талант господина У и хотели бы установить с вами долгосрочные партнёрские отношения. Не заинтересованы ли вы в подобном предложении?

У Мин распахнул дверь шире:

— Проходите, поговорим внутри.

На нём была лишь длинная белая рубашка, обнажавшая стройные, белые ноги. Взгляд Сэнь Жуя на мгновение потемнел, но он быстро вернул себе деловой вид, словно речь шла об обычных переговорах.

— Назовите мне причину. — У Мин небрежно опустился на диван, лениво оглядывая гостя.

— Потому что господин Кани назвал вас своим другом. Господин Кани — один из акционеров нашей компании, мы просто выполняем приказ руководства. К тому же господин У действительно обладает всеми данными, чтобы стать суперзвездой, — не моргнув глазом, ответил Сэнь Жуй.

У Мин, однако, нахмурился: почему стоило ему завести хоть какое-то знакомство, как вокруг неизменно крутились крупные акционеры и воротилы бизнеса? Нельзя ли ему хоть раз пожить нормальной жизнью?

[Хватит притворяться. Будь Кани обычным человеком, ты бы на него и не посмотрел. Вокруг тебя всегда будут виться самые сливки общества, зачарованные твоей красотой. В твоём окружении попросту не бывает простых людей.]

— С чего бы это у меня такой чит-код?

[С того самого момента, как ты взял свою судьбу в свои руки, простые смертные перестали появляться в твоём поле зрения. Ты сам по себе — явление исключительное.]

— Внезапно я проникся уважением к собственной крутости.

[Притворяться невинным — это позорно.]

— Идиот.

Поразмыслив пару секунд, У Мин кивнул:

— Ладно, раз уж я ещё не подписал контракт с Синьюй... правда, доверия к тебе у меня пока

маловато.

Ленивый молодой человек полулежал на диване, небрежно наматывая на палец выбившуюся у уха прядь волос, вид его излучал беззаботность и полное бесстрашие.

— Понимаю. Вот видеозапись, которую господин Кани велел передать вам. — Сэнь Жуй взял у телохранителя планшет, запустил воспроизведение и обеими руками протянул экран У Мину.

Взяв гаджет одной рукой, У Мин взглянул на дисплей. На видео действительно предстал Кани, только на этот раз не столь непринужденный, как при первой их встрече: он был облачен в деловой костюм, а волосы аккуратно зачесаны волосок к волоску.

— У Мин, к сожалению, я не смог вернуться, чтобы поздравить тебя с победой. Компания JI отлично тебе подойдет, а Сэнь Жуй — прекрасный агент. Я слышал песню, которую ты исполнил для меня, она мне очень понравилась. И я хочу сказать тебе: я тоже очень скучаю.

Это была самая длинная речь, которую У Мин когда-либо слышал от Кани. Не удержавшись от улыбки, он поднял глаза на Сэнь Жуя.

— Я согласен подписать с вами контракт.

В глазах Сэнь Жуя промелькнуло восхищение. Обладать красотой — не страшно, страшно использовать её столь дерзко и безнаказанно.

— Но у меня есть условие. — Упершись подбородком в ладонь, У Мин посмотрел на менеджера чуть более серьезно, но всё с тем же дерзким вызовом. — Я не собираюсь развиваться на музыкальной сцене. Моя цель — кино.

Улыбка Сэнь Жуя стала ещё шире:

— Разумеется.

<http://bllate.org/book/21658/2234883>